

кая и В. Пуляев, — в значительной мере обусловлено бережным отношением к тем национальным традициям, которые показали свою жизненность в годы Великой Отечественной войны и привели нас к Победе в 1945 году”¹¹. В преддверии 60-летия Победы нелишне будет еще раз обратиться к тем живительным источникам, которые питали нашу стойкость, достоинство и самопожертвование, о которых мы почти забыли или охаяли их в эти кризисные годы. Иначе новый вал мазохизма, черноты и разочарований опрокинет наш пока неустойчивый российский корабль. “Вот сейчас грядет 60-летие Победы, боюсь, опять нам будут рассказывать о том, как мы своими трупами немцев заваливали”, — откровенно признается кинорежиссер В. Меньшов¹².

Да, “заваливали”, но на святом пути к Победе. Падали, но на собственный рост вперед — к миру и свободе, освобождая при этом и другие народы. Погибали, умирали, но “ради жизни на земле”. И в этом для нас главный смысл, главная правда войны и Победы...

¹ Нагибин Ю. По законам военного времени // Новый мир. 1985. № 5. С. 44.

² Крутин В. Присягая на верность отечеству... // Там же. С. 158.

³ Генатулин А. Ответ на вопросы анкеты “Во имя жизни на земле” // Вопросы литературы. 1985. № 5. С. 45.

⁴ Астафьев В. Письмо к В. Кондратьеву от 28.12.87 // Вопросы литературы. 1995. Вып. 1. С. 286.

⁵ Ежов В. А. Народ и война: Некоторые проблемы и тенденции их изучения // Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 317–318.

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Там же. С. 325.

⁹ Там же. С. 334.

¹⁰ Кваша А. Цена победы // Советская культура. 1988. 3 сент. № 106.

¹¹ Вербицкая Л., Пуляев В. Слово к читателю // Народ и война: 50 лет Великой Победы. С. 10.

¹² Меньшов В. Но ты, художник, твердо веруй!: Круглый стол “ЛГ” // Литературная газета. 2004. 15–21 дек. № 50. С. 3.

Д. А. Чугунов

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ВОСПОМИНАНИЯМИ О ВОЙНЕ? (Из новейшей немецкой литературы)

Познание и объяснение событий XX века невозможны без понимания многообразия индивидуальных “языков”, на которых

в разные периоды разговаривала эпоха. Это — принципиальное положение всей литературы 90-х годов, укрепившееся благодаря краху обобщающих идеологических схем эпохи 1945–1989 годов и усилению в жизни нового европейского общества *личностного начала*. Авторы всё более интересуются *частности* истории, в которых и открывается ее неповторимое своеобразие. Глобальные исторические процессы подаются авторами через восприятие их отдельным человеком, глазами этих рядовых в истории персонажей. Конец XX века открыл *перспективу* взгляда на происходившие события. Воспринимаемый отныне как целое, он потребовал для своего познания использования особых ценностных категорий, категорий высочайшего качества и уровня. Именно *частное, человеческое* понимается в 90-е годы как *знаковое, истинное* наполнение истории.

Рубеж столетий всегда воспринимался как время подведения итогов. Однако ретроспектива повествования, авторский взгляд назад, в прошлое, стремление понять духовные истоки настоящего — всё это присуще не только признанным классикам немецкой литературы. Речь здесь идет о типическом для 90-х годов явлении.

Таким образом, вполне закономерным на этом фоне представляется и поиск объективных изменений в трактовке самых привычных для немецкой литературы тем.

Впечатляющий калейдоскоп немецкого сознания XX века мы находим в нобелевской книге Юнтера Грасса "Моё столетие". Многие страницы в ней посвящены Второй мировой войне, ее началам и следствиям. Так, перед взором читателя проходят женщина из Гамбурга и трое ее сыновей: полицейский, коммунист и нацист (1928), художник-еврей Макс Либерман с женой и владетель художественной галереи (1933), офицер в концлагере Ораниенбург (1934), среднего ранга функционер компартии в другом концлагере близ Берлина (1936), школьники гимназии в пригороде Данцига и их игры в гражданскую войну в Испании (1937), бывший фронтовик, репортером прошедший всю Вторую мировую войну (1939), фашистский фотограф, снимавший уничтожение Варшавского гетто (1943), берлинские жительницы, разбирающие завалы (1946)...

История подчеркнута трактуется Грассом от лица отдельных людей и в "отдельных лицах". Частный взгляд на происходящее способен открыть читателю пронзительные нюансы, не замечаемые официальной наукой, способен помочь вжиться в описываемые события. Так, ужас войны показывается не в перечис-

лении преступлений против человечности, а в осознании того, что эти преступления могут стать привычной обыденностью. В главе "1943" фронтовой фотограф, забиравшийся в самые опасные места на войне, вспоминает об уничтожении Варшавского гетто и о своей работе при этом. Он сделал более 600(!) снимков. Автор не пылает видимым гневом, не "клеимит позором" черные страницы прошлого. Эта позиция была бы уместной для настоящего. А мы всегда смотрим на прошлое глазами его участника, мы ощущаем пресловутый дух времени вместе с его героями, когда понимание трагедии могло и проходить мимо сознания людей, когда у людей были и другие заботы помимо войны. Безымянный фотограф бесхитростно замечает об одной из своих фотосессий: "Я тогда впервые услышал слово «Треблинка»"¹. И всё — более никакой видимой реакции ни от персонажа, ни от автора! Позиция Грасса-гуманиста проявил себя в другом. Мы воспринимаем трагедию войны так обостренно в настоящем, потому что ее не всегда воспринимали как трагедию в прошлом. Но еще большей трагедией становится неумение или нежелание извлекать уроки из истории прошлого. Упомянутый фотограф чем-то подобен древнему Герострату (настоящего имени которого мы также не знаем): ведь он словно сжигает и расстреливает заново погибших в Треблинке, печалась... об ускользнувшей от него личной славе: "Всего больше прославился после войны снимок, на котором запечатлены женщины и дети с поднятыми руками... Из него просто сделали культ и делают до сих пор. А вот имя фотографа ни разу не упомянули... Я не получил за него ни единого гроша... В смысле авторских прав... Никакого гонора"². Узнавая эту частную человеческую историю, лучше всего понимаешь особенности всего описываемого времени.

Создание "панорамы столетия" требовало от писателя обязательного познания тех духовных основ, на которых строила свое существование нация. Грасса занимает мысль об исторических уроках, которые стоило бы извлечь из случившегося. Его волнует моральный аспект военного наследия. В трактовке писателя Ремарк адресует Юнгеру такой упрек: "Мы были побеждены, это факт. В любом отношении. Просто у вас и вам подобных не хватило духа признать поражение. Причем вам его не хватает и по сей день"³. Многозначительная оговорка — "вам подобных". Из неумения признать "урок" Первой мировой войны случилась Вторая мировая — мысль прозрачная.

Способен ли вообще человек к усвоению исторических уро-

ков? Повторяются войны, повторяются столкновения народов, повторяется унижение личности в угоду требованиям социума... Фашизм был повержен, но тоталитарная идея оказалась на редкость живучей. На 1990 год приходится упоминание спасенных аптекарем скульптур из церкви святого Марка в Лейпциге, которая, "как и остальные лейпцигские церкви, была разрушена коммунистическими варварами"⁴.

Во многом схожи с грассовскими принципы исторического повествования, которых придерживался в романе "Бегство Хампеля" Михаэль Кумпфмюллер. Он принадлежит к группе молодых авторов (Т. Бруссиг, Й. Шпаршау, К. Шмид и другие), которых также чрезвычайно занимает минувший век⁵.

В судьбах своих героев Кумпфмюллер открывает читателю большую часть XX века. История семьи Хампелей типична. Гитлер оказался тем человеком, который вселил в немцев надежду на лучшую жизнь. И Маттиас Хампель, глава семейства, поверил ему, не умея различить внешнюю и внутреннюю стороны фашизма. Свою симпатию к нацистам он объясняет так: в стране после Первой мировой войны разруха, 6 миллионов безработных, а Гинденбург и нацисты ценят рабочих типа Хампеля — "они были бравыми молодцами, к тому же Гитлер был вовсе не злым по отношению к бравым людям, разве что жиды и коммунисты должны были его немного остерегаться"⁶.

Автор искусно совмещает в последних главах романа, рисуя историю семьи Хампелей, две перспективы повествования. События семейной жизни, рождение новых детей соотносятся с событиями в обществе, с рождением новых идей и веяний в умах сограждан. Мать "собирала силы для рождения дочери, которую она страстно желала, и новый рейх собирал силы на будущее", или: "где-то в марте я жду ее, сказала мать, и в ту же весну немецкие солдаты прошествовали на запад и взяли навсегда ее любимый Аахен и всю левобережную Рейнскую область, как прекрасно!"⁷. Замечательно это последнее "как прекрасно!"; автор (не разграничивая источники речи) дает возможность нам ощутить дух того времени, ибо слова принадлежат непосредственно Элизабет Хампель.

Война воспринимается большинством немцев (до прихода ее на родную землю) исключительно с парадной стороны. Маттиас Хампель записывается в силы ПВО, ему предлагают вступить в НСДАП. "Даже оба его старших сына признали, что отец в новенькой униформе выглядит замечательно"⁸. Войну в Польше еще до ее начала он, обработанный пропагандой Геббельса,

воспринимает исключительно как легкую прогулку, "ведь по радио ее всегда называли прогулкой"⁹. Его любимым занятием становится отныне вечером сидеть в кресле и слушать радиорепортажи о победах, кивать и радоваться: "Вся Европа пала перед нами на колени, сказал он, и мать, видя его радость, стряпала для каждой победы очередное праздничное блюдо"¹⁰. В сознании Элизабет Хампель солдатская кровь отходит в сторону, в то время как главным становится символическое приготовление пиши по польским, датским, голландским рецептам... "Мы ведь не варвары, в конце концов, сказала мать", – с убийственной иронией замечает автор¹¹.

Прозрение стало наступать в тот момент, когда на родную землю Хампелей пришли первые жертвы. Хайнрих в десятилетнем возрасте в школьном хоре воспевал победы немецкого оружия 1939–1941 годов. Но он не забудет потрясения, испытанного при виде *плачущего отца*, который услышал плохие вести о Сталинграде. А мнение матери о войне изменилось, когда бомбежкам подвергся ее родной Аахен. Она даже что-то такое сказала о войне, что едва не привело ее в застенки гестапо; Элизабет Хампель спас лишь "золотой материнский крест", но человек из тайной полиции посоветовал ей впредь все же не давать воли языку¹². Любопытно, что старший сын Теодор некоторое время еще был охвачен воинственным пылом, упражнялся по вечерам в патриотических речах. "Я не знаю, что творится с мальчиком, сказала мать"¹³. Думается, она понимала, в чем дело, но боялась признать свои собственные ошибки воспитания детей, с детства думавших, что война – это красивая и полезная игрушка, развивающая людской кругозор...

Как известно, серьезное обсуждение этой темы началось с голосов *поколения 68-го года*: "Представители 68-го года внесли важный вклад в картину восприятия прошлого, дав слово военному поколению, тормоза и расспрашивая его", – заметила современная писательница Таня Дюккерс в одном из эссе¹⁴. Тем не менее проблема исследования и "преодоления" нацистского прошлого не потеряла значимости и в конце XX века.

Сложность исследований состоит в том, что "темные времена" затронули почти всех. Как заметил в одном интервью Гюнтер Грасс, рассуждая о нацистском прошлом страны и многих сограждан: "Я не хочу сравнивать теперь между собой все случаи, но в этой связи не и хочу утаивать, что было множество национал-социалистов, для которых 45-й год стал шоком, которые изменились. Я причисляю к ним и себя. Я был в титлерюген-

де. Я был доверчив, для меня лишь в 45-м наступило прозрение, да и то частичное и медленное. Я становился другим. И это право следует признавать за каждым, без того, чтобы пуритански орать со сцены «*mea culpa*»...»¹⁵

Внутреннее прозрение, действительно, труднее публичного самобичевания. Честный перерасчет истории сопряжен с такими потрясениями, которые отвращают человека от самого себя, которые невольно подталкивают его к соблазну откреститься от бывшего. Грасс фиксирует типичный для многих взгляд: то, что было, было давно и не с ними. Говоря о нацизме, об уничтожении евреев в Освенциме в 1943 году, один из персонажей книги «*Моё столетие*» раздраженно восклицает, обращаясь к своей подруге: «Хватит об этом рассказывать, когда всё это происходило, мне было четыре, от силы пять лет. А ты вообще только-только родилась» (1964)¹⁶. Девушка-невеста в положении, впечатленная увиденным на судебном процессе над виновными, куда она случайно забрела по ошибке, никак не может выкинуть из головы «все эти ужасы, и еще цифры, которые уже составляли миллионы... Иногда их было три, иногда всего два миллиона отравленных газом или погибших на какой-нибудь другой лад»¹⁷. Но ее жених Хайнер лишь отмахивается от ее рассказов. А дядя жениха Курт, воевавший в России, тоже утверждает о собственном незнании. Да и победители, на его взгляд, ничем не отличались от побежденных: «Про террор, который развязали против нас англичане и американцы, почему-то никто не вспоминает. Ну, ясное дело, победили они, а в таких случаях всегда бывают виноваты другие. И довольно об этом, слышишь, Хайди!»¹⁸.

Тему «перерасчета прошлого», еще до Грасса великолепно затронутую супругами Мичерлих, он любопытным образом продолжает в главе «1970». Немецкий канцлер преклоняет в Польше колена перед памятником мертвым евреям. И рядовой немецкий обыватель приходит в возмущение оттого, что именно немцев сделали козлами отпущения. «Надо слегка поспрашивать, надо порхать, и тогда всякий настоящий поляк непременно проявит себя антисемитом. ...А вот валить всю вину на нас — это у них считается хорошим тоном»¹⁹.

И мы понимаем, что «преодоление прошлого» — это не просто расхожее выражение, придуманное кем-то. Мнение именно «обывателя», человека из массы себе подобных, приведенное писателем, показывает, что прошлое еще наполовину живо в мировоззрении масс.

О живучести тоталитарных идей даже в сравнительно благополучном современном мире замечательно пишет Кристоф Хайн. Так, русскому персонажу его романа "Вилленброк" Крылову не чужды своеобразные патриотические взгляды:

" – Послушать вас, господин доктор, так можно подумать, будто вы все еще тоскуете по прошлому. Мне-то казалось, вам сейчас гораздо лучше живется, чем в те времена, когда вы на правительство работали.

– Лучше? Да, безусловно, если вы о деньгах, то их у меня теперь больше, гораздо больше. Если вы об этом – то да, у меня теперь много машин, несколько роскошных домов и квартир в разных городах мира. Ни о чем таком я прежде даже мечтать не смел. Не жизнь, а сказка. Если только не думать, не вспоминать, во что эти подонки Россию превратили. Была великая держава – а теперь политическая руина. Поймите, я ведь русский. Я не европеец, я всего лишь русский, со всеми нашими старомодными предрассудками и варварским прекрасодушием, на которые еще Пушкин так горько сетовал. Поруганная гордость моей отчизны – для меня это личная боль. Это для нас, русских, примерно то же, что для вас, немцев, Версальский договор. Вот мы и ждем теперь своего Гитлера, который смоет с нас позор Версаля. Выпьем еще по одной, друг мой"²⁰.

Подобное "ожидание Гитлера" довольно симптоматично. Оно показывает живучесть идей тоталитаризма во всем современном европейском мире. Ведь что-то похожее читатель слышит и от немца:

"С самого утра Вилленброк продолжил устанавливать охранную аппаратуру. Потом пришел столяр, и Вилленброк показал ему двери, которые хотел заменить. Тот, конечно, уже был наслышан об ограблении и с порога предложил свое решение проблемы:

– Лагеря нужны, как при Адольфе, вы меня поняли? При нем, между прочим, не так уж плохо все было.

– Я знаю, – иронически поддакнул Вилленброк, – он автострады построил.

– Конечно, – охотно подхватил столяр, – и еще кое-какие у него были хорошие идеи. Я вам скажу, то, что он за двенадцать лет успел, нынешним политикам и не снилось. Эти только двенадцать лет болтать будут, а сделать ничего не сделают. Что там про него ни говорят, а с бандитами он быстро управился.

– Ну да, с бандитами, а заодно и еще много с кем.

– А все равно, господин Вилленброк, при нем совсем не плохо было.

С этими словами столяр вынул из кармана блокнотик и принялся записывать размеры"²¹.

В конце XX века очень заметным стал недостаток именно

личной информации о нацистском прошлом, недостаток сведений частного рода. Удобные идеологические схемы лишь уводили в сторону от истины.

“Все прошло, все миновало! Разве кто-нибудь теперь вспомнит, как звали руководителя Германского трудового фронта? Сегодня рядом с Гитлером в качестве вождей называют разве что Геббельса, Геринга и Гесса. Если в какой-нибудь телевизионной викторине ведущий спросит, кто такой Гиммлер или Эйхман, то можно ожидать как правильного ответа, так и полной неосведомленности относительно этих персонажей исторического прошлого; впрочем, иной телеведущий сопровождает потерю нескольких тысяч марок лишь легкой улыбкой.

Так кто же, кроме редактора найденного мной сайта, сумеет нынче вспомнить Роберта Лея? А ведь именно он после прихода к власти национал-социалистов распустил все профсоюзы, опустошил профсоюзные кассы, занял своими спецкомандами принадлежащие профсоюзам здания, а самих профсоюзников, которых насчитывалось много миллионов, в принудительном порядке зачислил в Германский трудовой фронт”, – восклицает рассказчик в “Траектории краба” (2002) Гюнтера Грасса²².

В оценке прошлого литература идет рука об руку с исторической наукой. В той тоже накопилась к концу XX века неудовлетворенность методами оценки минувших событий. Собственно, о том же размышляет Старик (за которым угадывается фигура самого автора) в упомянутой книге:

“Старика гложет что-то. Собственно, говорит он, именно его поколение должно было поведать о страданиях беженцев из Восточной Пруссии: о потоках людей, движущихся по зимним дорогам на Запад, о зачехневших трупах в сугробах, о людях, потиравших в придорожных кюветах или в проломленном льду, когда замерзший залив Фришес-Хафф начинал крошиться под бомбами или трескаться под тяжестью перегруженных конных повозок, но, несмотря на это, все больше людей, начиная от Хайлигенбайля, срывались с места, гонимые ужасом мести, который несли русские, и шли по бесконечным снежным полям... Беженцы... Белая смерть... О таких страданиях, говорит он, нельзя было молчать все эти годы только потому, что важнее казалось признание собственной огромной вины и горячее покаяние, нельзя было отдавать то, что замалчивалось, на откуп правым и реваншистам. Это упущение безмерно...”²³.

Действительно, многие современные немцы воспринимают недавнюю историю своей страны как неоправданно взваленный на них груз. Они испытывают психологическое давление со стороны остального мира, ибо слишком часто им напоминают о пресловутом “чувстве вины” и необходимости “преодоления прошлого” (“Vergangenheitsbewältigung”). Вместе с тем было бы не-

легко отрицать, что еще в 50-е и 60-е годы налицо было широкое приятие нацистского образа мышления. Как пишет Таня Дюккерс, "общая терминология нацизма еще витала в воздухе. И лишь в последние десятилетия сформировался цельный общественный климат, в котором понятия типа "чистоты крови" потеряли смысл"²⁴.

Тема нацистского прошлого всплывает и в романах Марселя Байера. По замечанию К. Кислинга, "Третий рейх постоянно присутствует у Байера, все действия современности он воспринимает, имея его на заднем плане"²⁵. Здесь можно упомянуть романы "Летающие собаки" (1995), "Шпионы" (2000). В последнем неожиданно находится потрясающая метафора Освенцима – ощущение сладковатого грибного запаха.

В романе К.-Ф. Делиуса 1999 года "Не воздержанные на язык", где речь идет о днях сегодняшних, о жизни людей, которые рождены много позже нацистских времен, в настоящем вновь слышатся отголоски прошлого. В 1997 году Берлинская опера гастролирует в Тель-Авиве, и один из музыкантов, контрабасист, подписывает ради шутки счет за напитки в баре отеля как "Адольф Гитлер". Музыканта возмутило непочтительное отношение к себе со стороны местного служащего, и он таким неординарным способом решил отомстить за плохое обслуживание. "Социотип оркестра превращен в ироническую параболу нашего общества"²⁶.

С размышлениями Ф.-К. Делиуса перекликается мысль Тани Дюккерс, которая также считает, что очень легко в настоящем услышать отголоски прошлой *преступной психологии*: "Меня интересует: каким образом жители страны, считающей теперь, что взгляд в прошлое более не важен, уже в 1990 году снова допустили человеконенавистнические высказывания при виде автоколонн из Польши – и это после того, что во Второй мировой войне от рук немцев погибло 6 миллионов поляков (каждый второй человек с высшим образованием был убит), а их города превращены в пустыню?"²⁷

Тема нацистского прошлого не теряет своего значения для молодых писателей, только входящих в литературу в 90-е годы. Однако *молодые авторы* пишут уже по-другому, нежели признанные, авторитетные. Как заметила Т. Венедиктова в своих размышлениях о литературном процессе, существует определенная закономерность, свойственная концу XX века: "Перенос фокуса внимания с историчности происхождения текста на *историчность его восприятия* и понимания поможет, безусловно, разве-

шествлению литературной истории и более живому переживанию ее как творческого процесса" (курсив наш. – Д. Ч.)²⁸.

Что привнесли молодые авторы в трактовку немецкого нацизма? Благодаря тому, что их поколение не соприкасалось непосредственным образом с нацистской идеологией, они могут осуществить важный вклад в дебаты об исторической памяти. Владея перспективой, именно они могут связать прошлое с настоящим с позиции настоящего, ибо "больше нельзя писать о *настоящем*, только – об *отсутствующем*"²⁹. И когда речь заходит о серьезных вещах, они не боятся признать наличие многих проблем. Так, Таня Дюккерс в романе "Игровая зона" честно написала о том, что Вторая мировая война уже далека от молодого поколения, от тех, кто родился, например, в 1979 году (как герой главы "Эрни, и Лео, и Бенни, и Берт"). Отсюда – и возможная реакция. Рассказы деда, пережившего в 1945 году штурм Берлина, уже порядочно надоели одному из персонажей ее книги. Еще во времена ГДР "он был съят по горло беседами с дедом на единственную тему – о войне"³⁰. Или: "Бенни уже и не знал, действительно ли дед пережил все те вещи, о которых рассказывал"; а "рассказывал он об артиллерийском огне русских и уличных боях, о повсеместных казнях дезертиров, о трупах в разбомбленных домах по Фридрихштрассе и бесчисленных мертвых в залитой водой станции метро "Ораниенбургер Тор", о людях, прыгавших из горящих домов, и о мучительно страдавших в свои последние минуты жизни солдатах..."³¹. Действительно, подобные ужасы трудно представить себе в 90-е годы. Проблема исторической памяти превращается из этической уже в собственно психологическую.

Сложность обсуждаемой проблемы отразилась, например, в тех спорах, которые ведут между собой персонажи романа „Духов день“ (2000) Андреаса Майера.

Это произведение отличается подчеркнутой *диалогичностью* во всех отношениях. Это заметно на уровне восприятия текста: невозможно мгновенно составить суждение на тот или иной счет, так как приходится соотносить друг с другом все новые и новые обстоятельства событий, открывающиеся по ходу действия. Кроме того, в произведении содержится множество непосредственных диалогов между персонажами, выясняющими истину в том или ином вопросе. Темы бесед и споров не отличаются новизной, но представляют несомненный интерес в качестве отражения „знаковых“ моментов, типичных для немецкого национального сознания конца XX века.

В романе мы вновь видим столкновение двух точек зрения на прошлое. Один из персонажей – тетя Ленхен – на второй день Второй мировой войны потеряла в Польше своего мужа. Поэтому “стоит только увидеть тетю Ленхен, как тут же услышишь и про Любице”, – говорит возмущенно г-жа Мор. Ее нежелание обсуждать те трагические события выражено довольно откровенно: “Конечно, это ясно, я сочувствую ей, сочувствие вещь абсолютно нормальная, но постоянно выслушивать одно и то же – это выше моих сил! И про “Трудовой фронт”... и эшелоны с беженцами...” За “ужасную” родственницу вступается Катя Мор: “И вовсе она не говорит одно и то же. Она каждый раз рассказывает немножко по-другому. Это же непрерывный процесс воспоминаний. Мать: да, Боже праведный, но нельзя же вспоминать постоянно”³².

Для Эрики Мор и ее мужа фашизм – вещь из учебника, и в учебнике по истории уже давным-давно было сформулировано мнение на его счет, которого стоит придерживаться. “Но мы же постоянно должны помнить о том, сказал Харальд Мор, какое великое зло причинили мы людям, наша историческая ответственность в том и заключается, чтобы всегда помнить об этом и никогда не забывать о своей вине. Тетя Ленхен: но как она может о чем-то помнить, чего не испытала вообще? Она постоянно почему-то должна помнить о том, чего в ее жизни не было, а о том, что она пережила, ей помнить нельзя и даже запрещается говорить об этом, например, о трудовом фронте в период рейха”³³. Тут и обсуждать, собственно, нечего. Для тети Ленхен нацистское прошлое – по-прежнему живая история, пережитая ею лично. Поэтому в ее прошлом находится место и светлomu, каким парадоксальным это ни казалось: тетя Ленхен называет “самым чудесным” временем в своей жизни именно работу на трудовом фронте в годы Второй мировой войны³⁴. Она верила в ошибочные идеалы, но у нее был смысл жизни, какой отсутствует у настоящего.

И более того, есть в ее речах скрытый любопытный нюанс: тенденции в обществе, в умонастроениях, приведшие в 1933 году Гитлера к власти, ею угадываются и в настоящем. Это проявляется иной раз совсем неожиданно. Как быть с тем, что в настоящем почти все флоршгадцы (да и не только они) записались в партию добропорядочных обывателей, а независимость Адомайта, или Визнера, или Кати Мор вызывает в них злобу?

В этом отношении заслуживает внимания жизненная позиция именно Кати Мор. Совсем еще молодая студентка словно бы свидетельствует: и в рядах нового немецкого общества, его юных

представителей есть понимание зла, таящегося в фашизме, опасности его легкого возрождения.

И, наконец, при рассмотрении этой темы невозможно пройти мимо книги Флориана Иллиеса "Руководство по невинности". Иллиес является одним из знаковых авторов современной немецкой литературы. Его "Поколение Гальф" сразу же превратилось в дневник новой общности молодых людей, родившейся после падения Берлинской стены. "Руководство по невинности", увидевшее свет в 2002 году, открыло читателю дорогу во внутренний "абсурдистан"³⁵ всего немецкого общества, вынесло на поверхность массу типичных для него предрассудков и комплексов. Принадлежность к немецкой нации в конце XX века являлась, по меньшей мере, подозрительной, с горечью констатирует автор. "Тот, кто рожден немцем, рано узнает, что это — сама по себе проблема"³⁶. Современного немца подстерегает масса неожиданных сложностей, например: "Наше чувство вины так велико, наша страсть постоянно посылать голову пеплом так мазохистична, что мы постоянно виним себя, если произошло нечто противное иностранцу, ведь никто не должен вновь обвинять нас в том, что мы отвернулись, что не выучили своего урока. Поэтому мы всегда смотрим на происходящее. Эта бдительность простирается до таких пределов, что наше общество пронизывают столь странные флюиды, что их уместно было бы отнести ко временам нацизма. Долгое время наибольшей проблемой была живопись Каспара Давида Фридриха, потому что известно, как высоко ценил ее Гитлер. А уж о Вагнере и говорить не стоит. И тот, кто признавал свою ответственность за любовь к Вагнеру, должен был непременно тут же добавлять, что ему известно, как преклонялись перед Вагнером в Третьем рейхе. А если бы он этого не говорил, то ему не удавалось дальше слушать музыку без нравственных терзаний"³⁷.

Путаница в ключевых ментальных понятиях происходит в настоящем из-за привитой немцам трусливости в области самостоятельного мышления. "Из-за этого террора доброй совести появился даже странный культурный канон, в который автоматически были зачислены — как эстетически ценные — произведения тех художников, которые преследовались или запрещались нацистами, — пишет Иллиес. — И подобные вывихи общего немецкого сознания словно бы ничему не научили нас, ибо после падения ГДР происходило то же самое: диссиденты воспринимались отныне не только как лучшие люди (каковыми они и были), но и как лучшие творцы (каковы они были лишь изредка). Из этого немецкого безумия мысли была лишь одна возмож-

ность бегства, и это была граница. Не будь у западных, а в равной степени и у восточных немцев возможности ездить за границу, половина бы страны стала испытывать острую форму аутоагрессии»³⁸.

Но даже за *границей* немец не может чувствовать себя спокойно. Иллиес описывает совершенно потрясающий своим абсурдом *типичный* (!) визит немца на курорт в Италию. Таксист-итальянец, желая угодить клиенту, восхищается успехами мюнхенской «Баварии» в Лиге чемпионов. И если немец примет его, в общем, искренние комплименты немецкому футболу, в этом не будет ничего страшного. Но немецкий турист *не может* радоваться успехам *немецкого спорта*, ибо в подсознание ему с детства вбита вина за... Холокост и Вторую мировую войну...³⁹

Поэтому Иллиес предлагает своему читателю психологическое упражнение, которое должно помочь ему в развитии собственной национальной гордости, самооценности.

«УПРАЖНЕНИЕ: Сегодня мы идем в самый симпатичный итальянский ресторан нашего города, одевшись в униформу бундесвера, выстраиваемся всем семейством перед витриной со смешанными закусками и поем все три строфы «Немецкой песни»⁴⁰.

Подобная рекомендация (как и все остальные) автора носит откровенно издевательский характер, но ясно, что Иллиес и не требует от читателя буквального следования своим советам. Таким образом он, как его коллеги по писательскому цеху, лишь пытается привлечь внимание к проблемным моментам немецкой современности, требующим своего разрешения.

¹ Грасс Г. Моё столетие. М.; Харьков, 2001. С. 125.

² Там же.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Например, диссертация М. Кумпфмюллера была посвящена битве под Сталинградом и мифам вокруг нее.

⁶ *Kumpfmüller M. Hampels Fluchten*. Frankfurt a. M., 2002. S. 372.

⁷ *Ibid.* S. 374.

⁸ *Ibid.* S. 378.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* S. 379.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.* S. 389.

¹³ *Ibid.* S. 390.

¹⁴ *Dückers T. Der Schrecken nimmt nicht ab, sondern wächst: Warum die "Enkelgeneration" nach dem Zweiten Weltkrieg noch nicht zum "entspannten Umgang" mit der Vergangenheit geneigt ist.* (<http://www.tanjadueckers.de>).

¹⁵ См.: *Im Gespräch: Wer hat sich denn // Der Freitag*. 2001. № 6. (<http://www.freitag.de/2001/06/01060301.htm>).

- ¹⁶ Грасс Г. Моё столетие. С. 187–188.
¹⁷ Там же. С. 187.
¹⁸ Там же. С. 188.
¹⁹ Там же. С. 211.
²⁰ Хайн К. Вилленброк // Иностранная литература. 2001. № 7. С. 26.
²¹ Там же. С. 129.
²² Грасс Г. Траектория краба. М.; Харьков, 2004. С. 41–42.
²³ Там же. С. 113.
²⁴ См.: *Dückers T.* Der Schrecken nimmt nicht ab, sondern wächst: Warum die "Enkelgeneration" nach dem Zweiten Weltkrieg noch nicht zum "entspannten Umgang" mit der Vergangenheit geneigt ist. (<http://www.tanjadueckers.de>).
²⁵ См.: *Kißling K.* Dieser Roman zerstört sich selbst (<http://www.u-lit.de/rezension/marcel-beyer-spione.html>).
²⁶ "Das Soziotop Orchester wird zur ironischen Parabel unserer Gesellschaft". См.: *Leiprand E.* Adolf in uns // *Literaturkritik.de*. 1999. № 5. (<http://www.literaturkritik.de/txt/1999-05/1999-05-0035.html>).
²⁷ См.: *Dückers T.* Der Schrecken nimmt nicht ab, sondern wächst: Warum die "Enkelgeneration" nach dem Zweiten Weltkrieg noch nicht zum "entspannten Umgang" mit der Vergangenheit geneigt ist. (<http://www.tanjadueckers.de>).
²⁸ Венедиктова Т. О пользе литературной истории для жизни // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 12.
²⁹ См.: *Dückers T.* "Fehlt" die NS-Zeit in den Romanen der "Enkelgeneration"? (<http://www.tanjadueckers.de>).
³⁰ См.: *Dückers T.* Ernie und Leo und Benno und Bert. Spielzone. 3. Auflage. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag, 2002. S. 168.
³¹ См.: *Ibid.*
³² Майер А. Духов день. М., 2003. С. 78.
³³ Там же. С. 114.
³⁴ Там же. С. 127.
³⁵ *Illies F.* Anleitung zum Unschuldigsein. Frankfurt a. M., 2002. S. 2.
³⁶ *Ibid.* S. 105.
³⁷ *Ibid.* S. 107.
³⁸ *Ibid.* S. 108.
³⁹ *Ibid.* S. 117.
⁴⁰ *Ibid.*

Т. Г. Струкова, О. Н. Пономарева
ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ВОЙНЫ

Прошлое не умерло, оно даже и не прошло
У. Фолкнер

История человечества имеет одну загадочную особенность — в ней ключевым измерением является не состояние мира, а состояние войны, истинная цель которой есть передел сфер вли-